

*А пока поодиночке
к Чёрной речке их ведут.*
Градский

В истории России, в истории мировой литературы есть две смертельные речки. Одна называется Чёрная, а вторая — просто Вторая.

«Мы запроданы рябому чёрту на три поколения вперёд». Рябой чёрт — это Сталин. А «запроданы на три поколения вперёд» — это пророчество 1930 года. Автор — Мандельштам.

Он ошибся. Минус 92 года. Прошло четыре поколения, ещё немного — и будет пять. Обязательно будет. Популярность Сталина растёт, и всё новые обитатели РФ присягают на верность рябому чёрту.

Вот те пророческие слова:

Все произведения мировой литературы я делю на разрешённые и написанные без разрешения. Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух. Писателям, которые пишут заранее разрешённые вещи, я хочу плевать в лицо, хочу бить их палкой по голове.

Этим писателям я запретил бы вступать в брак и иметь детей. Как могут они иметь детей — ведь дети должны за нас продолжать, за нас главнейшее досказат — в то время как отцы запроданы рябому чёрту на три поколения вперёд.

Мандельштам. Четвёртая проза. 1930.

Три поколения вперёд? — Мандельштам, конечно, понимал, что так долго Сталин не проживёт. Но писал он не о тиране. Сталин умрёт, а удушье, страх и душевное рабство останутся. Надежды тают, а ледяная панцирь растёт, обнуляя идеалы, законы, отравляя душу. С пелёнок.

Ребёнок рождается в мир, где атмосфера отравлена; для него это родной воздух, это наша родина, сынок.

В Антарктиде ледяной панцирь на десятки тысяч лет задал все живое, теперь сверкает белизной. Наш панцирь чёрный, мутный, он не сверкает, он поглощает всё, как чёрная дыра. В нём всё гаснет. Что там в чёрной дыре? Ничего. И уж точно там не нужны пронзительный ум, сомнения, высокие чувства. Там паучья глухота. Из чёрной дыры нет спасения, как из паутины.

...Считается, что Мандельштам погиб 27 декабря 1938-го. Для нас памятные даты — это очень удобно: знаем, в какой день скорбеть о смерти, в какой радоваться рождению. Но напрасно и наивно думать, будто кто-то в летейской стуже Большого террора точно зафиксировал смерть доходяги. Такие подыхали гурьбой и гуртом.

Мы не знаем дней рождения и смерти великих: Авраам, Ликур, Гомер, Эсхил... Даже год знаем неточно, а иногда сомневаемся: который век? Это никак не умаляет их величие и наше восхищение. Если читаем и понимаем. А иначе — отметили ДР гения (точнее, отметились) и дальше побежали, забыв о нём в ту же секунду. Так холодный профессиональный убийца по пути к месту работы крестится, проезжая, на каждую церковь и продолжает навинчивать глушитель, воцерковлённый господин.

В момент смерти человека мы понимаем, кого потеряли. Или в какой-то степени понимаем. Или вообще не понимаем, а поймут только потомки.

Две тысячи лет назад о распятом государственном преступнике горевали несколько человек. Сейчас в глазах двух с половиной миллиардов это главное событие истории.

Когда Мандельштам умер в ГУЛАГе, окружающие эски и вохра, конечно, не понимали, что этот истощённый, старый (47 лет), беззубый фитиль кое-что значит в русской литературе и даже в мировой.

Мандельштам — из самых поразительных и дальнбойных достижений, заветных нам русской духовной истории XX века. Его значение совсем не ограничивается

рамками русской словесности. Скажем напрямик — общемировое явление. Никто так глубоко не понял русскую и европейскую историю. Поэтому о будущем можно не гадать, а с достоверностью читать в написанном Мандельштамом.

Академик Вяч. Вс. Иванов

В 1932 году Мандельштам в стихотворении «Ламарк» зафиксировал роковой поворот назад, точнее — спуск в немоту, в темноту.

*Если всё живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.*

Помарка — это ошибка, её зачёркивают. В данном случае зачёркивают всё живое.

Поэт идёт в обратную сторону: по лестнице эволюции вниз. От человека — к глазастым, но бездушным насекомым — к слепым червям — к одноклеточным.

*...Мы прошли разряды насекомых
С наливными рюмочками глаз.
Он сказал: «Природа вся в разломах,
Зренья нет, — ты зришь в последний раз!»*

*Он сказал: «Довольно полнозвучья,
Ты напрасно Моцарта люби!».
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил.*

*И от нас природа отступила
Так, как будто мы ей не нужны,
И продольный мозг она вложила,
Словно шпагу, в тёмные ножны...*

Стихи требуют осмысления. Кто этот «Он», который говорит поэту «ты зришь в последний раз»? Кто говорит «довольно полнозвучья»? Если бы этот «Он» хоть раз попал в середину строки, мы бы сразу поняли смысл прописной буквы. Но оба раза «Он» — в начале строки; как хотите, так и понимайте.

«Он» отнимает слух, зрение; очевидно, и речь. Какая может быть речь у одноклеточных? Эта операция — прямо обратная той, великой, которую когда-то совершил шестикрылый Серафим.

*Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещи зеницы...
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт...*

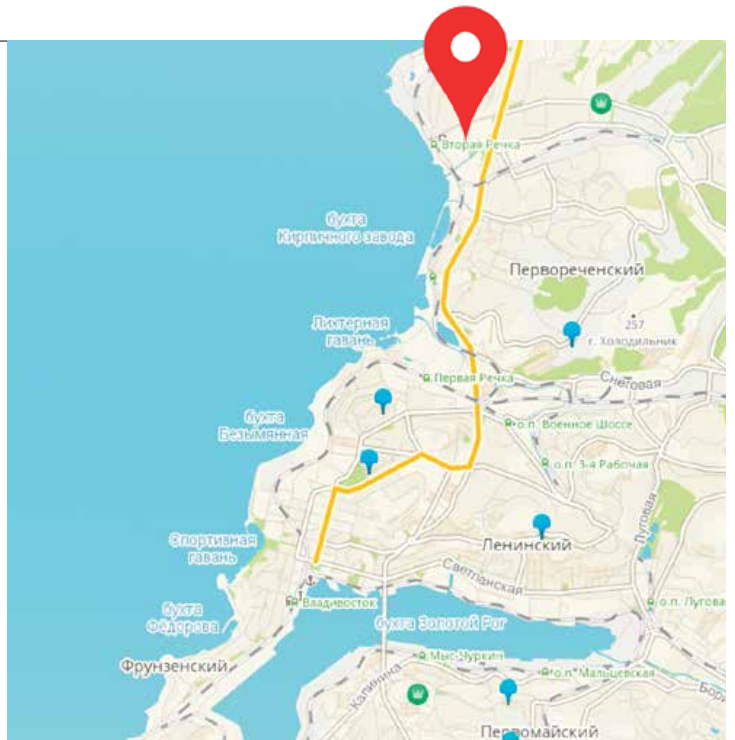
Духовная жажда тоже исчезла, атрофировалась за ненадобностью. Если обитатели оглохли — к чему красноречие? Глухих не жгут глаголы.

Стихотворение «Ламарк» редко вспоминают. Грозное пророчество («наступает глухота паучья») скоро сбьётся политическим:

*Мы живём, под собою не чуя страны,
Наши речи на десять шагов не слышны.*

Казалось, страшнее сталинских лагерей ничего быть не может. И когда сталинизм рухнул (точнее, обветшал, зубы выпали), эти стихи стали читать в прошедшем времени — как памятник минувшей эпохе. А она не умерла, притворилась спящей, ждала и дождалась, и зубы вставила, и дорвалась. А про «Ламарка», про спуск к одноклеточным вообще забыли. Хотя смысл стихов 1932-го важнее и страшнее самоубийственных строк 1933-го про жирные пальцы кремлёвского горца.

Что такое «глухота паучья»? Это же написал поэт — значит, пророк. Значит, это прозрение. Что делает паук? Он обматывает паутиной, обездвиживает, выпивает кровь. В паутине висит, не шевелится бывшая муха, оболочка — всё на месте: крылья, ножки, глазки. Внутри она пустая. Наступает или наступила? Человек обмотан паутиной (всемирной), обездвижен. Всё на месте: ручки, ножки, глазки, голова. Внутри пусто. Под рукой Википедия — зачем что-то знать, если можно брать?

ВТОРАЯ РЕЧКА

МЫ ЗАПРОДАНЫ РЯБОМУ ЧЁРТУ НА ПЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ ВПЕРЁД

Когда придумали слово «интернет» — «всемирная паутина» — авторам, вероятно, нравился образ: изумительно тонкая невесомая невидимая сеть. Вряд ли они думали про хищное насекомое.

Темнота паучья. Бог, написанно в Библии, создал свет. Тьму не создал. Но глухой подвал — бункер — там полное отсутствие света, абсолютная тьма, созданная человеком.

Экраны, конечно, светятся. Это фосфоресцирует тьма; это свечение только притворяется светом.

Экраны (ирония и логика языка) экранируют нас от света. Внутри, в паутине, всё есть и все довольны. Там даже фильм «Матрица» есть. Почему бы не показать заматанным в паутину, как там спокойно живётся и что ждёт тех бунтовщиков, которые попытаются открыть глаза.

Смерть духа хуже смерти тела. Лучше быть съеденным червями, чем превратиться в червя.

Знаменитая Большая советская энциклопедия, 1954 год, 300 тысяч экземпляров. Мандельштама нет. Просто нет. Указано: «Второе издание» — то есть 300 тысяч напечатали вдобавок к первому. Такую просветительскую мощь сейчас

даже трудно представить. И видишь, кто изъят из истории.

Они думали, что навечно изъяди Мандельштама из истории — эти тонкошеи руководители науки и культуры. Думали, что изъяди того, кого Бродский равняет со всей русской поэзией, а многие считают пророком.

Трёхтомный Энциклопедический словарь, 1955 год, 700 тысяч экземпляров. Нет Ахматовой, нет Мандельштама, нет Цветаевой. Два величайших поэта XX века остались без могил. Одна — где-то в Елабуге, другой — где-то под Владивостоком.

Величайшие русские поэты XX века в энциклопедию не попали. Но тогда, в 1950-х, они существовали в умах. А теперь в словарях и учебниках они появились, а из угов исчезли. Мой опрос в хороших московских школах показал: девятиклассники и десятиклассники на вопрос «кто такой Мандельштам?» отвечают по-разному: «человек», «мебель», кто-то пишет «Мандельштами» и ставит прочерк. Они не знают героя.

«Мы живём, под собою не чуя страны» — это сознательный героизм. Поэт читал, а люди шаркались. Пастернак сказал: «То, что Вы мне прочли, не имеет никакого отношения к литературе, поэзии. Это не

литературный факт, но акт самоубийства. Вы мне ничего не читали, я ничего не слышал».

Есть героизм импульсивный. Стихотворение «Смерть поэта» написано Лермонтовым в шоке от внезапной и трагической гибели Пушкина. Оно было с восторгом подхвачено всей мыслящей Россией. Люди переписывали, передавали друг другу и никто не делал большие глаза: «Вы мне этого не говорили, не давали. Я этого не слышал, не читал».

«Мы живём, под собою не чуя страны» — спокойное, безажитации, ни одного восклицательного знака. Вдохновение? — не обязательно; поэтических красок тут нет. Да они и не нужны в обвинительном приговоре.

Зато мысли облуманы глубоко и подробно. Тому свидетельство не чьи-то мемуары, которые всегда находятся под подозрением в недостоверности. Свидетельство облуманности (злонамеренности) — «Четвёртая проза» Мандельштама, написанная тремя годами прежде. Там вынесен приговор разрешённой писанине — то есть сверху одобренной литературе-макулатуре.

Дышать (писать и печататься) могут только правильные авторы. Мандельштаму пришлось воздух воровать. И довольно долго это ему как-то сходило с рук. В 1934-м его всего лишь отправили в ссылку.

Скажите это самому Булгакову, который умолял дорогого Иосифа Виссарионовича.

«Никогда ничего не просите» — это же не Булгаков советовал, а Сатана, отец лжи, а образцованина повторяет как «Отче Наш».

Ещё одна красивая фраза дьявола: «Рукописи не горят». Это вы Гоголю скажите, когда найдёте вторую часть «Мёртвых душ». Пушкину скажите, когда найдёте X главу «Онегина». Эсхилу скажите, у которого из 90 трагедий уцелели шесть; и не факт, что лучшие.

Не горят? От Мандельштама осталась, дай бог, половина, и то в не очень-то достоверных записях вловы «по памяти».

Не горят? Это вы народу майя скажите, от огромной литературы которого не осталось вообще ничего.

Болезни, голод, постоянный страх — об этом его письма, воспоминания жены. Довольно будет процитировать три письма: брату и Чуковскому.

**Мандельштам — брату Евгению.
8 января 1936-го.
Чтобы остаться на свободе, я последнее время просил милостыню.**

**Мандельштам — Чуковскому.
Начало 1937-го.**

1938. Потухло всё, руки по швам. Верхних зубов, похоже, нет. Долomали. Как не власть в отчаяние при виде всего, что совершается дома (Тургенев).

Когда именем великого кесаря-императора римские воины распинали нищего бродягу, ни сами воины, ни их геройский комдив-прокуратор, ни сам растленный, насквозь гнилой Верховный Главнокомандующий и вообразить не могли, что каждое слово бродяги станет вечным, а от них не останется ни звука, лишь паучья глухота.

Теперь опять её черёд.

***

*Прославим, братья, сумерки свободы.
Великий сумеречный год!..*

*Прославим власти сумрачное бремя,
Её невыносимый гнёт.
В ком сердце есть —*

*тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идёт...*

Ну что ж, попробуем:

*огромный, неуклюжий,
Скрипящий поворот руля.*

*Земля плывёт. Мужайтесь, мужи,
Как плугом, океан деля.*

*Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.*

1918

*Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.*

Заплатили небесами и думаете, что приобрели весь мир? Что толку, если человек приобретёт весь мир, а душу свою потеряет?

Они плывут в летейскую стужу. На том берегу Леты — царство мёртвых. «Будем помнить»? Оглянитесь: кто всё ещё что-нибудь помнит? Переплывшие Лету теряют память. Потерять память — потерять способность понимать происходящее, а прошлого не зная.

Сумерки свободы — прямой (и самоубийственный) ответ на радостные (и живые) крики восторга о Заре Свободы. Сказать в лицо беспощадным трубадурам зари: «Нет, ночь идёт!» — вот бесстрашие.

Заодно и строгая оценка исторического события: все небеса (все десять, если их десять) отданы (проданы) за землю. Все высоты духа проданы (преданы) за землю (за 30 сребреников) — за власть, дворцы и неограниченную ничем возможность творить зло, которое, конечно, удобнее делать ночью — в темноте, где светятся только экраны в бункере.

«Мы живём, под собою не чуя страны» — судьба страны. «Ламарк» — судьба человечества.

Лета — не Лена, не в Сибири течёт, а в подземном царстве, в аду. Туда ссылают бессрочно. Вот за этот ледяной берег и было заплачено небом, всеми небесами сразу.

«Мандельштам принял революцию» — живая фраза. Её придумали литературоведы в штатском, и вот уже почти 100 лет повторяют этот штамп. Мандельштам принял революцию, Ахматова приняла революцию... Сократ цыкуну принял — разве ликуя? Про человека говорят: «мужественно принял приговор» (приговор суда или приговор врача — не важно).

Сумерки свободы — это восход или закат? Скажите кому-нибудь «сумерки свободы», и каждый решит, что свобода кончается. А если она всё же «восходит», то, может быть, это какая-то другая свобода? Как раз тогда всходила «свобода от химеры совести», свобода убивать миллионы просто так: потому что мешают, потому что они лишние. А совесть — реальный зверь. Если грызёт, а тебе не больно, — значит, ты труп бесчувственный.

«Мы живём, под собою не чуя страны» — поэтически заурядное стихотворение, а политически — слабое. Там же нет протестов против тирании, нет воззваний и обещаний типа «товарищ, верь! взойдёт она, звезда пленительного счастья и на обломках самовластья напишут наши имена!». Там никакого будущего нет вообще. Что же есть? Только вызов.

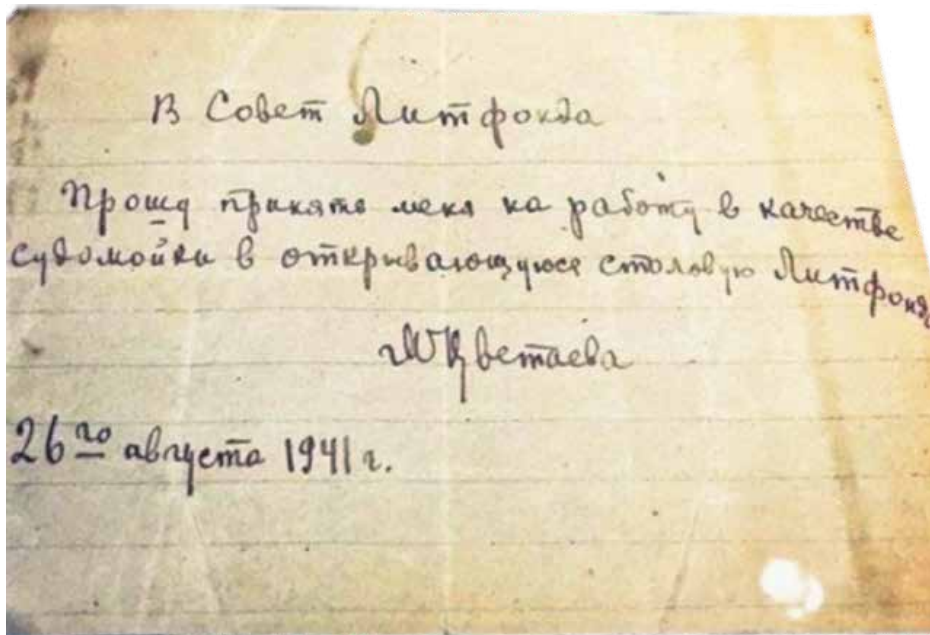
Мандельштам вызвал Сталина на дуэль. Эти стихи — намеренное оскорбление. Оскорбительные «жирные пальцы, тараканы усы»... Он знал, как оскорбительно это прозвучит для властителя, который свои усы холил, леял, любил и гордился. Вызвал и — погиб на Второй речке.

Забывают, что Пушкин вызвал на дуэль не Дантеса, а Геккерна — посла голландского короля, представителя коронованной особы. Вызвать Геккерна (а не кавалергарда), Пушкин перешёл на максимально возможный уровень.

Вызвать на дуэль властелина — ничего выше быть не может. А поскольку победа исключается, значит, это способ самоубийства. Мандельштам это понимал. Его вдова и Ахматова в своих воспоминаниях пишут, что после этого стихотворения он знал, что смерть неизбежна, и постоянно повторял: «К смерти я готов».

*А в комнате опального поэта
Дежурят страх и муза свой черёд.
И ночь идёт, которая не ведает рассвета.*

Продолжение материала
Александра МИНКИНА —
СТРАНИЦА 54 ⇨

26 августа 1941 Цветаева обратилась в Совет Литфонда: «Прошу принять меня на работу в качестве судомойки...» Литфонд отказал. К тому моменту у Цветаевой муж расстрелян, дочь в тюрьме. 31 августа она повесилась. Могила неизвестна

Википедия

Пошляки пишут: мол, Сталин пощадил поэта, распорядился «изолировать», но сохранить». Многие тогда (в том числе сам Мандельштам с женой) сочли это чудом. Но это была изощрённая попытка: голодом, бездомностью, постоянным страхом. От этого чуда он скоро выбросился из окна, а его письма...

***

*Сожжена Хпеснь.
Пушкин*

Пишешь о Мандельштаме, а приходится воевать с пошляками. С теми, кто бездумно повторяет красивые фразы. Имя им легион.

«Никогда и ничего не просите! Сами предложат и сами всё дадут!» — повторяет «интеллигенция», подхватывающая удачные словечки, красивые фразы и десятилетиями «общаясь» шаблонными блоками.

«Никогда ничего не просить?» — это вы Мандельштаму скажите, его жене, обивающей пороги важных партийных и литературных господ.

Это вы Пушкину скажите, который бесконечно и униженно просил дорогого Александра Христофоровича.

Это вы Цветаевой скажите, которая просила место судомойки (и не получила).

Дорогой Корней Иванович, я обращаюсь к Вам с весьма серьёзной для меня просьбой: не могли бы прислать мне сколько-нибудь денег? (Курсив его. — А. М.) Только одно ещё: если не можете помочь — телеграфируйте отказ. Ждать и надеяться слишком мучительно.

**Мандельштам — Чуковскому.
Начало 1937-го.**

Ни у меня, ни у моей жены нет больше сил длить этот ужас... Я поставлен в положение собаки, пса (Булгаков в письме Сталину назвал себя волком. — А. М.). У меня есть только право умереть. Меня и жену толкают на самоубийство. Есть только один человек в мире, к которому по этому делу можно и должно обратиться. (Мандельштам уговаривал Чуковского и других написать письмо Сталину. Только Хозяин решал, кому жить, кому умереть. Как и сейчас.)

Кроме таких писем есть и другое свидетельство, быть может, не менее красноречивое, хотя и безмолвное, бессловесное.

Две пары тюремных фотографий — как положено: анфас и в профиль.

1934. Гордый взгляд, руки сложены на груди — жест высокомерный по отношению к тюремщикам, к веку-волкодаву.

Мудрые комментаторы толкуют это стихотворение как «Мандельштам принял революцию». Видят первое слово «прославим», а в конце дата «1918» — вот, мол, пыльное одобрение.

Но это «прославим» — нехвала. Это горькое и гордое прощание с жизнью. Образец такого прощания у Мандельштама был.

У русских поэтов Пушкин в крови; в мозгу само звучит знаменитое «Восславим царствие Чумы!» — но разве это радость? Всюду на улицах трупы; и пир во время чумы — просто чтобы не хныкать, не бежать (ибо некуда).

Сумерки свободы — какое уж тут прославление? За сумерками идёт неотвратимая ночь. Приветствовать её — как надевать чистую рубашу перед смертельным боем: не капитуляция, а мужество.

В ком сердце есть —

тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идёт...

Обращаться не к царю, не к народу, а к Времени — это, конечно, космический размах: «Время, опомнись, твой корабль тонет».

«Скрипячий поворот руля» — это, что ли, разворот к желанному берегу, к счастью Всего Человечества? Прочтите последние строки:

Ахматова написала это о Мандельштаме, о том, как он по ночам ждёт ареста. И она оказалась права: для него эта ночь не кончилась.

Назвать жестоким — сделать тирану комплимент. Сказать про жирные пальцы — выразить омерзение. Брезгливое омерзение.

Ещё одно обстоятельство делало вызов Пушкина невозможным и потому демонстративно скандальным. Письмо Геккерну написано абсолютно недопустимым языком. Все, кто его читал, отзывались именно как о безобразном, шокирующем, непристойном.

Эта непристойность сознательно была выбрана Пушкиным для того, чтобы полностью исключить всякие и чьи-либо попытки мирного урегулирования.

Мандельштам сделал точно это: перевёл конфликт из литературно-издательского мира на максимально высокий уровень — сделал это в непристойном стиле.

С ноября 1934-го до второго ареста Мандельштам жил в ожидании неминуемой смерти.

*И всю ночь напролёт жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.*

Так продолжалось почти четыре года. Для людей дверная цепочка — защита, для него — кандалы, значит, он в тюрьме, а свобода — издевательский призрак.

Содня первого ареста началась смерть. Смерть растянулась на полторы тысячи дней. Две пары тюремных фото показывают разницу между живым и мёртвым.

О стихотворении донесли сразу. Товарищ Сталин мог казнить Мандельштама немедленно. Но это значило бы показать, что он чувствует себя задетым, оскорблённым. Разве может червяк оскорбить властелина? А ещё т. Сталин точно знал, что чувствительный подонок отныне будет ежeminутно чувствовать себя на горле жирные пальцы.

Власть отвратительна, как руки брадобрея? Как пальцы! Не плечи, не локти, а именно жирные скользкие пальцы берут тебя за лицо... Приговор т. Сталина, предшествующий первому аресту: изолировать, но сохранить — в точности как у Киплинга в «Балладе о царской милости».

*Он был камнями побит
на свалке в час зари,
Согласно писаным словам:
«Чтоб был он жив, смотри».*

Сталин побивание камнями (мучительную казнь) растянул на годы. В балладе Киплинга шах говорит оскорбителю: «Ты будешь милости просить и в муках звать меня». Так и вышло. В 1937 году Мандельштам надломился, сел к столу,

Первый арест — май 1934-го

Википедия

ВТОРАЯ РЕЧКА

взял бумагу, карандаш и начал просить милости — сочинять «Оду» Сталину: «Когда б я уголь взял для высшей похвалы».

Не вышло. Не смог написать «высшую похвалу», а только предположил, что было бы, если. Да и «уголь» — какое-то мучение: не грифель, не перо; видно, как раздавленный гений продолжает извиваться, червяк.

Мы недаром здесь поминали Эхила. В «Оде» Сталину есть важная строка: *Гляди, Эхил, как я, рисуя, плачу.*

«Ода» Сталину — поэтическая катастрофа. Сломленный Мандельштам попытался, изо всех сил попытался спастись — воспеть кремлёвского горца; авось пощадит.

Вдова в мемуарах рассказала: «Это был единственный в жизни случай: Мандельштам, сочиняя стихи, обычно

бродил из угла в угол, мычал, что-то записывал на обрывках. А тут отточил карандаши, сел за стол, положил чистые листы...»

М. Гаспаров (знаменитый признанный авторитет) пишет про «Оду»: это, мол, искренняя хвала. Ага, в 1937-м Мандельштам полюбил кровавого таракана, ещё раз приняв революцию (цикуту). Эдип, всё поняв, выколол себе глаза — принял слепоту.

Читаем «Оду» дальше: «Я б воздух расчертил на хитрые углы/ И осторожно, и тревожно». Осторожность, хитрость, тревога — это что ли праздник, ликование? Или — «шевели кандалами цепочек дверных»?

Первая строфа «Оды» кончается так: *«Гляди, Эхил, как я, рисуя, плачу».*

Если верить Гаспарову, если верить, будто Мандельштам искренне воспел Сталина, то, вероятно, поэт плачет от ра-

дости. Только вот обращается он при этом к Отцу трагедии.

Выше античной трагедии в литературе нет ничего. А выше Эхила — никого. В античной трагедии победа героя заранее и полностью исключена.

У Чехова герой воюет с домашними, с роднёй. У Пушкина — с завистниками, с рыцарями. У Шекспира — с королём, с высшей властью. В античной трагедии герой воюет с Судьбой. Обречён. Мандельштам эту свою роль сознавал.

Первый арест — в ночь на 17 мая 1934-го. Второй арест — в ночь на 2 мая 1938-го. По-вашему, четыре года свободы? Кошка четыре года играла мышкой.

Летейская стужа — не крещенская забава: макнулся в прорубь и пошёл водку пить. Летейская стужа — минус 273 градуса, абсолютный ноль. Ад.

Знаменитая «Колыбель для кошки» Воннегута, там описан конец света. Учёный придумал «Лёд-9». Стоит крошечной частице Льда-9 попасть в воду (реку, море, водопровод) — вся вода на планете мгновенно становится льдом, люди становятся ледяными манекенами.

Книжка издана на всех языках миллионом экземпляров, но нигде не встречалось объяснения: почему «Лёд-9», а не 3, не 7, не 13?

Потому что Дант! Девятый круг, там даже Сатана вмерзят навечно. У Мандельштама всюду Дант, а не Данте. Для Мандельштама Дант — гонимый, не флейта. Пример такого восприятия, такого отношения у Мандельштама был: «Суровый Дант не презирал сонета» (Пушкин). Для Мандельштама Дант — высочайший образец (см. «Разговор о Данте»).

В круге первом тепло. В девятом круге, на самом дне ада, ледяное озеро Коцит, посредине, в самом центре Веселной, — вмерзший в лёд Люцифер, верховный дьявол, терзает в своих трёх пастях самых чёрных грешников (предателей).

Трудно понять, как греки и итальянцы (жители тёплых стран) тысячи лет назад додумались до ледяного ада, не бывавая на Колыме.

...Это был лагерь на Дальнем Востоке, назывался «Вторая речка». Для гибели русского поэта символически места не найти. Первая речка называлась Чёрная, а вторая — просто Вторая.

Мандельштам — брату Александру. Октябрь 1938-го.

Дорогой Шура! Я нахожусь — Владивосток, УСВИТЛ, 11 барак. Здоровье очень слабое, истощён до крайности, неузнаваем почти, но посылать вещи, продукты и деньги — не знаю, есть ли смысл. Попробуйте всё-таки, очень мёрзну без вещей.

Больше писем не было.

Александр МИНКИН

Газетный вариант. Полностью текст будет опубликован на сайте «Новые медиа».

Второй арест — май 1938-го

Википедия